

Центральным звеном “лингвистического поворота” явилось открытие в отношении языка, что это *особая знаковая система* – объект исследования новой науки, именуемой “семиотика”. Причем указанная особенность заключается в способности языка *порождать* через посредство человека, а, следовательно, и *интерпретировать* практически бесконечное множество производных знаковых систем. В этом можно усмотреть причастность языка и к порождению *БММ*. Важнейшей составляющей “лингвистического поворота” явилась также смена приоритетов материального на *отношенческий*. Если дососсюрская лингвистика шла от понятия языковой единицы, то Соссюр шел прежде всего от нового для языкознания понятия *значимости*, считая язык “системой чистых значимостей”.

Отмеченные идеи, в основном, и определили идеологию постмодернизма. С его точки зрения (между прочим, – научной), вселенная состоит не из предметов или даже не из “материи”, а только из отношений, устанавливаемых между предметами. Предметы же рассматриваются как *точки пересечения отношений*. Отказ от онтологии, от вещей и субстратов в пользу языка, текста и структуры есть, по сути, начало трансформации *предметной модели мира* в *информационную*.

В связи с этим обращает на себя внимание обнародованное Российской академией космонавтики под рубрикой “Бауровский прорыв” сообщение об одном из важнейших открытий как новом направлении в космической физике [4]. В основе модели мироздания, по Баурову, нет ни времени, ни пространства, ни изначально заданных элементарных частиц. Есть лишь конечное множество одномерных дискретных объектов – буюнов. Буюны постоянно расширяются и сужаются, взаимодействуя между собой, в результате чего постоянно возникают время, пространство и элементарные частицы, а также электромагнитные, гравитационные, слабые и сильные взаимодействия. С каждым квантом времени (10^{-43} сек.) из буюнов творится трехмерное физическое пространство, каждый квант которого равен 10^{-33} см.

Использование семиотического инструментария, точнее, отождествление схем множества буюнов и системы языка дает нам основания полагать, что в основе мироздания находится нечто, называемое лингвистами “языком”, имеющее трансцендентный характер. Ясно, что в обоих случаях речь идет о знаковой системе. Указанное сходство выводов лингвистов и физиков делает эти выводы наиболее представительными в плане поиска истоков бытия или сотворения мира. Возможно, то же самое имел в виду и Платон, постулируя “подлинный мир идей”, проявляющийся в “неподлинном мире вещей”, где идеи – это категориальные понятия высшей степени обобщения, а, следовательно, *знаки*.

Учитывая вышесказанное, нельзя не согласиться с идеями Гумбольдта и его последователей-лингвистов о божественной природе языка, но с некоторой оговоркой. Здесь имеется в виду точка зрения, не противопоставляющая науку и религию, а, напротив, *объединяющая* их представления *во взаимном дополнении*, исключая чисто религиозный налет мистики и идей непознаваемости. Такой точкой зрения и является знаковый подход (а точнее – *лингвосемиотическая методология* взамен “предметного” подхода), допускающий сопоставление и отождествление в мышлении различных схем априорных знаний (представлений) с целью получения новых. А полученные в разных областях представления можно рассматривать как различные *метафоры* для объяснения одного и того же, объединенные идеей “единства многого” (или “единого во многом”) и могут быть сопоставлены и отождествлены как схемы для получения новых знаний как в целом, так и в соответствующих областях.

Достижения структурной лингвистики и квантовой теории поучительны в том, что они предпосылают науке в целом *новые основания* не только для расширения ее поля зрения, но и взятия на себя ведущей роли в отношении познания в целом. На данном этапе можно говорить, по крайней мере, о *трех* упоминавшихся в тексте *ориентирах*. Во-первых, принцип дополнительности в отношениях науки с другими

формами познания. *Во-вторых*, знаковый подход, помогающий науке разобраться в хитросплетениях языка, каковым является и мироустройство в целом. В-третьих, – это преодоление консерватизма ума в отношении искусственной поддержки бесплодных, но долгоживущих теорий, гипотез и понятий, имея в виду, что наш знаковый мир в такой же мере противоречив и *метафоричен*. Любая самая неожиданная и на первый взгляд парадоксальная метафора может оказаться ключом к раскрытию главной тайны мироустройства. Хотя для этого, вероятно, потребовалась бы целая иерархия эффективных метафор.

Литература.

1. Валянский С., Калюжный Д. Армагеддон завтра: учебник для желающих выжить. М.: АСТ, Транзиткнига, 2006 г.
2. Кутырев В. А. Философия постмодернизма. Научно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2005 г.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988 г.
4. “Бауровский прорыв”, “Калининградская правда”, №7, 22 янв. 2004 г.